

апокалипсическому образу незримо присутствующего в тексте многих произведений Аксенова Антихриста-Сталина.

Апокалипсические настроения звучат и в романе "Петербург" А. Белого, главным символом которого становится бомба, выступающая как разрушительная сила, несущая хаос и смерть.

Таким образом, мы можем говорить о наличии в произведениях Белого и Аксенова, сходных поэтико-лирических элементов, в совокупности своей образующих особую "прозу-поэзию", корни которой лежат в прозе Н. В. Гоголя.

Н. С. Трифонова
Екатеринбург

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРИФРАЗ И ПРЕДИКАТИВНАЯ МЕТАФОРА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ А. АХМАТОВОЙ (“БЕЛАЯ СТАЯ”)

В сентябре 1917 года вышла в свет новая поэтическая книга А. Ахматовой “Белая стая”, в отзывах и рецензиях на которую неизменно отмечалось ее концептуальное и стилевое отличие от двух первых книг автора. Критики увидели в стихах “Белой стаи” не только “новое углубленное восприятие мира” (А. Слонимский), но даже “резкий перелом ахматовского творчества” (К. Мочульский), связывая его с тем, что Ахматова как поэт начинает вслушиваться в гул истории. Это стилевое обновление непосредственно затрагивает все срезы поэтики “Белой стаи”, в том числе - и срез метафорический.

В “Белой стае” Ахматова открывает новые для нее способы введения в лирический текст метафорического элемента. Обновленное художественное сознание актуализирует типы метафоры, не востребованные ранее. Так, в “Белой стае” резко повышается значимость метафорического перифраза и предикативной метафоры. При сопоставлении трех первых поэтических книг Ахматовой выявляется следующее соотношение. Если в “Вечере” и “Четках” эти типы метафоры встречаются соответственно 2 и 3 раза, то в “Белой стае” мы обнаруживаем по 10 метафор того и другого типа. Эти наблюдения позволяют говорить о том, что названные типы метафор становятся органической частью ахматовской поэтики, а именно - отвечают поиску сущности предмета или явления, названного в тексте, и открытию точных, но и сложных соответствий явлений, свойственных миру.

Предикативная метафора, стоящая по своей структуре близко к метафорическому перифразу, отражает то же движение к “ядру” изображаемого: “... ты - солнце моих песнопений ...”; “... доля матери - светлая пытка ...”; “... ты говоришь, что вера наша - сон”.

Возможность трансформации метафорического перифраза в предикативную метафору и их “наоборотного” преобразования показывает тесную связь между этими типами метафоры. Нам кажется, что появление большого количества подобных метафор в “Белой стае” объясняется тем, что эта книга отражает ахматовский переход от эмоциональной непосредственности в восприятии окружающего, передаваемого первыми сборниками, к поэзии итогов и обобщений. Так, изменяется ее образ мира: внешние силы здесь все с большей жестокостью подавляют человека. Ахматовская лирическая героиня, стоящая в центре мирового круга, вслушивающаяся и вглядывающаяся во все, что происходит вокруг, чувствуя поступь истории, пытается перед лицом опасности и ожидаемой беды определить в том, что есть что в этом страшном мире. Напряженная жизнь ее души находит свое словесное воплощение в метафоре, дающей возможность сказать о жизни и явно, и зашифровано.

Самыми значимыми оказываются поэтому в “Белой стае” метафоры, непосредственно направленные на скрытые соответствия и связи, складывающиеся в сознании лирической героини.

Здесь с особой остротой сталкиваются две важнейшие стилевые тенденции *творчества Ахматовой: струнная напряженность переживания, с одной стороны, и стремление к “спрятанности” этого переживания, - с другой. Лирической героине в равной степени необходимо и открыть для себя связи между явлениями, и скрыть их от посторонних. Это стремление к недосказанности, загадочности явно прослеживается в “Белой стае”, где так часто Ахматова осложняет метафору. Так, например, она может менять порядок следования частей характерного для нее перифраза, выдвигая на первый план его метафорическую часть, играющую роль метафоры - загадки. Объяснение, “расшифровка” в этом случае дается следом: “...Я товаром радостным торгую - / Твою любовь и нежность продаю”.

На уровне предикативной метафоры - с той же целью сокрытия смысла - активизируется прием рассредоточения компонентов метафоры (разные строки) с местоименной заменой определяемого слова. Метафора остранивается, становится неявной, зашифрованной, углубляя и осложняя представление о безмерности мира и человеческой

души: "... Славы хочешь? - у меня / Попроси тогда совета, / Только это -. западня, / Где ни радости, ни света ...".

Итак, две стилевые линии поэзии Ахматовой оказываются в "Белой стае" одинаково сильными, именно на стыке этих двух закономерностей и рождается ахматовская поэзия данного периода, преобразуясь, но оставаясь в основе своей очень определенной и узнаваемой.

М. Ю. Трубицына
Череповец

ЛОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ И. С. ШМЕЛЕВА

В ходе дискуссий о литературе русского зарубежья современная критика решает проблему ее единства с общерусским процессом. Основу такой целостности можно обнаружить в сохранении православного подтекста двух временно разведенных потоков русской словесности. Один из известных критиков изгнания Г. В. Адамович подчеркивал, что "эмигрантская литература сделала свое дело потому, что осталась литературой христианской".

В контексте такого понимания преодолевается искусственно возникшая разделенность на два периода творческого наследия выдающегося православного писателя зарубежной России - И. С. Шмелева. Анализ художественного мира Шмелева показал, что в эмиграции развиваются те тенденции, которые, как еще не проросшее зерно, заложены в дореволюционных книгах: рассказах "Гражданин Уклейкин" (1907), "Пугливая тишина" (1912), "По приходу" (1913), "Карусель" (1914), "Лихорадка" (1915), повестях "Человек из ресторана" (1911), "На расстанях" (1913). В первых литературных опытах и в эмигрантских произведениях функционируют повторяющиеся, сквозные образы-элементы лексико-семантической оппозиции: "свет-тьма", "радость-уныние", "связанность со всем-разобщенность", "движение-блуждание".

Для иллюстрации онтологического единства философско-эстетических установок "раннего" и "позднего" Шмелева обратимся к анализу рассказов "По приходу" (1913) и "Карусель" (1914). Действие рассказа "По приходу" охватывает один день - первый день Рождества, когда по сложившейся церковной традиции священник ходит "славить"; в сопровождении дьякона, псаломщика, просвирни посещает дома прихожан с пением рождественского тропаря: "Рождество Твое, Христе Боже наш воссия миру Свет Разума..." Рождество Христово - день,